

Бунт на одного

ОБ «ОТЦЕ-ХОЗЯИНЕ» БРАТЬЕВ ТАВИАНИ

Михаил Трофименков

ГОД НАЗАД братья Тавиани — 83-летний Паоло и 81-летний Витторио — играючи продемонстрировали уникальную для своих лет режиссерскую форму в фильме «Цезарь должен умереть». Под маской репортажа о постановке шекспировской трагедии силами заключенных тюрьмы строгого режима они скрыли парадокс о жизни, театре, политике и смерти. На первый взгляд путь братьев ничем не отличается от пути их ровесников: в «свинцовых» 1970-х исповедовали политическое кино, потом устали, разочаровались, впали в классицизм. На самом деле Тавиани, что и подтвердил «Цезарь», не совпадали со своим временем — то опережали его, то уваливали. Да, в 1970-х лучшие режиссеры Италии — и Тавиани тоже — состояли в официальной компартии или в ее левацких вариантах или были «беспартийными коммунистами». Тавиани, как все, снимали про революцию, но под каким-то неправильным, скептическим углом. Вели речь то о роковом непонимании между разными поколениями революционеров («У святого Михаила был петух», 1971), то о предательстве и провокации («Альонзанфан», 1975): через три года убьют Альдо Моро, о провокации заговорят все, но Тавиани это будет уже неинтересно. Когда кризис в стране дошел до той стадии, за которой — тотальная гражданская война, они вдруг сняли — и получили заслуженное каннское золото — «Отца-хозяина». Фильм, конечно, с марксистским акцентом — в том, что касается живописания быта сардинских пастухов. На каждого «отца-хозяина», то ли истязателя, то ли закаляющего крошкусина, обрекая его на невежество, находится свой «Padre Padrone», перед которым уже сам домашний тиран беззащитен, как дитя — помещик или перекупщик плодов отцовского труда. Но выход из этого порочного круга братья увидели не в революции, а в индивидуальном созидательном бунте, впрочем не исключая рукоприкладство. Тавиани заявили это не назидательно, но весомо. Эта весомость не вербальна, заключена в самой пластике

фильма, монументальной, освобожденной от всего второстепенного. Манифест братьев заключен в первой же звучащей с экрана закадровой фразе. Вот, посмотрите на этого, описавшего со страха шестилетнего мальчика (Фабрицио Форте), которого отец-дикарь (Омеро Антонутта) забирает из школы, чтобы пацан пас овец в страшных горах, где воет ветер, где убивают друг друга «кровники», где нет человеческого жилья. Его зовут Гавино Ледда, когда он вырастет (и его будет играть уже Саверио Маркони), он взбунтуется, поднимет руку на отца, не только получит образование, но и станет видным лингвистом: собственно говоря, фильм поставлен по его книге (1975), переведенной на 40 языков. А когда 18-летний Гавино пошел в армию, он не только не умел ни читать, ни писать, он по-итальянски не говорил, только на сардинском

ВЫХОД ИЗ ПОРОЧНОГО КРУГА БРАТЬЯ ТАВИАНИ УВИДЕЛИ НЕ В РЕВОЛЮЦИИ, А В СОЗИДАТЕЛЬНОМ БУНТЕ

диалекте. Кстати, признательность армии, только благодаря которой Гавино и вышел в люди, для 1970-х нетипична: обычно ее представляли террариумом фашистских заговорщиков. История действительно ошеломительная, похожая на чудо, но Тавиани вообще воспели жизнь как совокупность чудес. Оставленный в диких горах ребенок испытывает лишь ужас перед ночью и страх перед отцом-хозяином: поэтому он не может увидеть чудо этой ночи, ее звуков и шорохов, но оно, чудо, несомненно. Отец же, сроднившийся с ночью, вдруг начинает говорить о ней, что твой поэт. Вальс Штрауса, занесенный в лихой край прохожими музыкантами, — тоже чудо. Ну а самое расчудесное чудо, это, конечно, кино: Тавиани свято верят в него, потому и моложе они любого молодого режиссера. *«Padre Padrone», 1977*